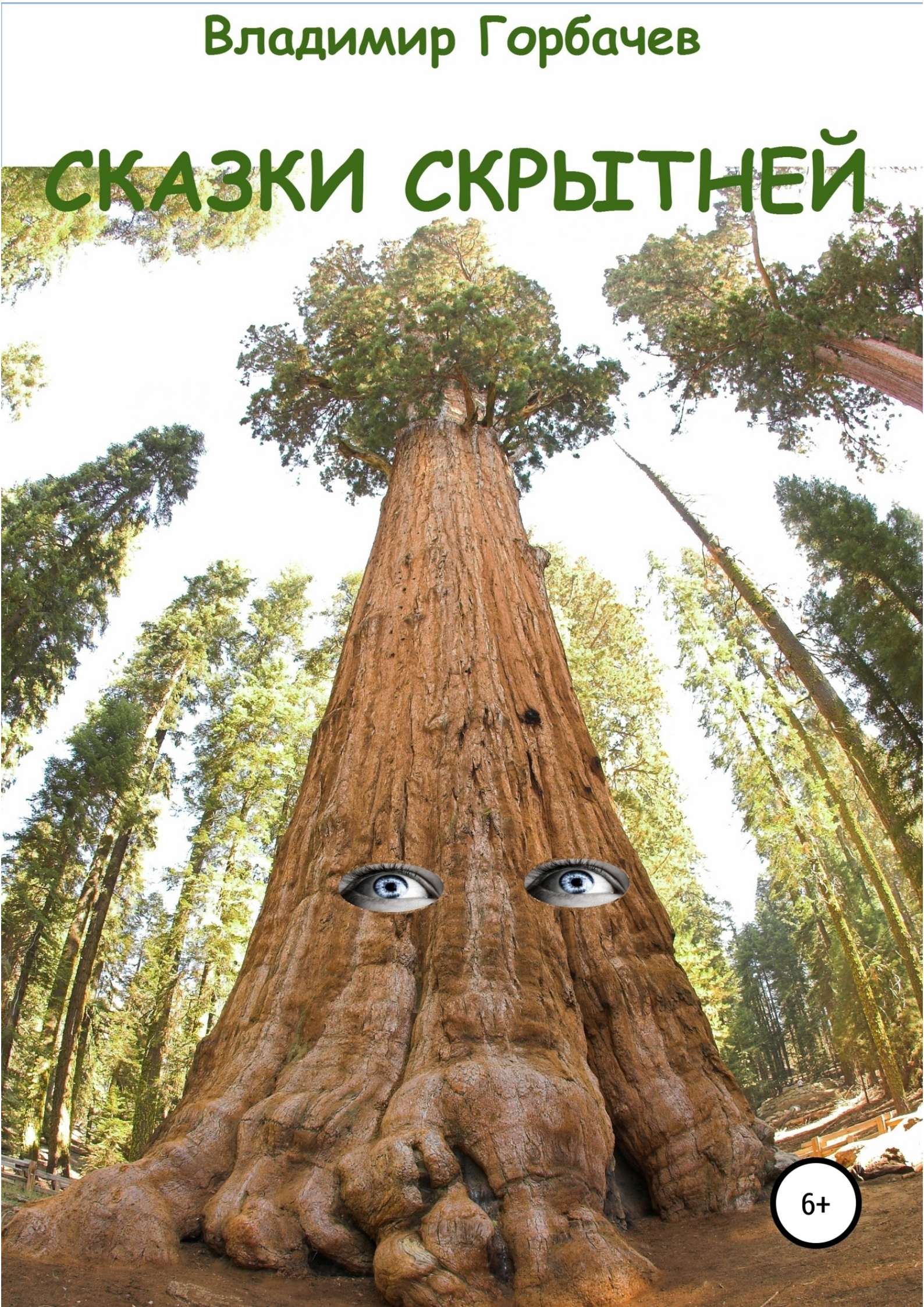
Владимир Горбачев

СКАЗКИ СКРЫТНЕЙ



6+

Владимир Горбачев

Сказки скрытней

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Горбачев В. М.

Сказки скрытней / В. М. Горбачев — «ЛитРес: Самиздат», 2004

В лесу, недалеко от города, живет маленький народец, о котором людям ничего не известно. Лесные человечки – великие мастера прятаться, скрываться. Потому и зовут их – скрытни. Они умеют разговаривать с птицами и зверями, путешествовать, строить в склоне горы пещеры. Даже летать немного умеют. А еще скрытни знают множество сказок. О жизни лесного народа, об их приключениях и рассказано в этой книге. И сказки, которые скрытни рассказывают, здесь тоже есть…Книга «Сказки скрытней» является продолжением истории лесного народа. А первая книга, в которой рассказано о жизни древних скрытней, об их подвигах, называется «Защита Гродля».

© Горбачев В. М., 2004
© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Лесной Народ 6
Олак и его семья 8
Давай полетаем! 10
Рыбная охота 14
Дождливый день 18
На Дальних Полянах 23
Летняя сказка 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

В оформлении обложки использована фотография с сайта https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:General_Sherman_tree_looking_up.jpg по лицезии Creative Commons Attribution 2.0 Generic, автор Jim Bahn и фотография с сайта https://www.pexels.com/de-de/foto/1608534/, автор Nikita Lyamkin

Лето. Приключения Олака

Лесной Народ

В то утро рассвет немного задержался – сон интересный досматривал. Но вот досмотрел, разбудил птиц, согрел стволы сосен и наконец добрался до выступающих из земли корней старого дуба.

И вдруг один из корней зашевелился! Сначала он вытянулся, потом перевернулся, а затем и вообще встал. И оказалось, что это никакой не корень, а вроде как маленький человечек. Две руки, две ноги, на лице борода рыжая. Руки поднял, глаза протер, чтобы после сна открылись побыстрее. Сощурился, бороду в улыбке раздвинул: утро настало, хорошо! Запахнул на себе зеленую курточку, подтянул такие же зеленые штаны, расшитые желтыми узорами, вытащил откуда-то из-под корней сплетенную из соломы корзинку и направился в лес.

Едва он скрылся, как со ствола липы спустился другой такой же. Только без бороды и куртка светлее. Спустился, пошарил в кустах, вытащил длинную палку вроде копья и пошел в другую сторону. Тут и еще в разных местах стали человечки появляться. Кто с дерева слезает, кто вроде как из-под земли вырастает, а кто наподобие сухого листа с неба спускается. Заговорили: здороваются, друг дружку приветствуют. Говорят, вроде как дятел стучит или камешки перекатываются. А иногда как малиновка свистнет. И по всему видно, что чувствуют они себя здесь, в лесу, как дома. Оно и понятно: ведь они – Лесной Народ. Сейчас я тебе о них расскажу.

Ты, наверное, уже слышал о гномах? Если не слышал, спроси у мамы, она расскажет. Маленькие человечки в красных колпаках живут в пещерах, глубоко под землей. Пещеры эти в горах, а горы в дальних странах. Живут под землей, ищут золото и драгоценные камни, куют мечи, поют песни, воюют со злыми троллями. Люди о них кое-что знают, потому что кто-то когда-то попал в их пещеры, а потом рассказал. Кажется, это была прекрасная девушка, принцесса, и гномы ей помогли в беде. Но я этого точно не знаю, а потому врать не буду. Но вот чего никто не знает, это что у гномов есть родственники в наших краях. А не знают о них, потому что гномы их стыдятся и никогда о них не говорят. И в песнях не поют, и сказок о них не рассказывают.

А чего стыдиться-то? Да, мелковаты, да, неказисты, иногда неуклюжи, – ну и что с того? Впрочем, я знаю, отчего гномы стыдятся своих здешних родичей: оттого что они бедны. Нет у них ни золотых чаш, ни серебряных кубков, ни мантий, усыпанных рубинами. Даже мечей со щитами, и тех нет. Все оружие – палицы, да луки со стрелами, да пращи. Да и этим оружием они редко пользуются, предпочитая скрыться, спрятаться от врага. Вот в этом, в умении прятаться, они великие мастера, тут им равных нет. Потому и зовут их – скрытни. И потому они могут жить совсем рядом с нами, а мы их не замечаем.

Вот пришли, скажем, люди в лес. Поляну выбрали, скатерть расстелили, костер разожгли. Взрослые сидят, разговаривают, а дети в прятки играют. Вдруг один бежит из кустов, да не застукаться поскорее, а к взрослым: «Мама, там кто-то есть!» Мама с папой встревожились, идут в кусты, раздвигают, смотрят – никого. «Тут никого нет, малыш. Тебе, наверное, почудилось». «Нет, – настаивает тот, – там кто-то был, на меня смотрел, я глаза видел!". «Это мышь, дорогой, – успокаивает мама. – Или птица. Она на тебя посмотрела, а ты и испугался». «А почему ветка качается?» «Это ветер, ветер!»

Но вот погаснет костер, стихнут песни, уйдут люди, и в густеющих сумерках на опустевшую поляну выйдут те, кого ты, дружок, высматривал в густой листве. Странные, странные существа! Ростом они… Ты папину ладонь представляешь? Вот их взрослые как раз такие и будут: их папы – чуть больше папиной ладони, а мамы – маминой. А дети – ты, наверное, уже догадался – немного больше твоей. Кожа темней, чем у нас: у детишек желтая, как песок, у взрослых цветом похожа на старый желудь. Руки и ноги слегка корявые, но пальцы ловкие,

быстрые: и сандалии из соломы сплести, и рубашку сшить, и слова на дощечке написать – все могут. Одежду любят носить летом – зеленую, а осенью – желтую и красную.

Посмотришь на них – и сразу поймешь, почему их никто не видит. Застынет скрытень в своей зеленой курточке, шляпу на глаза надвинет – станет как сучок, не отличишь. Ну, а если кто попробует этот сучок отломить, того так в руку ущипнет, что сразу отдернет. Подумает – колючка, и отстанет.

А еще скрытней потому так редко видно, что зимой они живут глубоко под землей, как и их родственники-гномы. Выберут горку каменистую, и долбят ее, сверлят, роют, пока не нароют целый пещерный город. Там у них и квартиры для жилья, и склады для припасов, и залы для занятий. Там они проводят долгие зимние месяцы. А летом выходят наверх. Летом спят или в дуплах, или в развилках старых дубов и лип, или прямо на траве: завернутся в лопух, подорожник под голову положат – и спят.

В старину люди были приметливее, да и в лес чаще ходили, а потому иногда Лесной Народ замечали. Тогда пугались, бросались прочь. А вернувшись в деревню, рассказывали, что встретили лешего. Так их в старину называли. А еще так: оборотни, упыри, вурдалаки, кикиморы, яги, кики-мики болотные. Рассказывали о них нехорошее: что заманивают людей в лес, особенно детей маленьких, путают тропинки, уводят в глушь, в болота, и люди там гибнут. Или волками оборачиваются и кровь из людей пьют. А еще болезни, хвори насылают. И потому их боялись и встреч тоже избегали.

Хорошо, что скрытни этих историй не слышали, а то бы стало им ужасно обидно. «Да, водится, водится в лесу нечисть! – закричали бы человечки в зеленых курточках, если бы услышали людские рассказы. – И все про нее верно говорят: и заманивают, и в болотах топят, и кровь пьют. Но мы-то тут совсем не при чем! Мы с этими ободняями, утырями и киками сколько воевали, сколько наших в тех битвах полегло!» А Лесной Народ никого никогда не заманивал и не запутывал. Об этом хоть кого можно спросить – хоть сорок, хоть ежей с ужами – любой скажет. А если люди скрытня нечаянно заметили да со страху кинулись, не разбирая дороги, незнамо куда, да потерялись – кто им виноват? И насчет хворей или тем более крови – смешно такое слышать. Ну как, скажи, они могут кровь человеческую пить, если вообще на животных не охотятся и мяса не едят? Питаются грибами да ягодами, да травами сочными. Единственно – рыбу. Да, рыбу острогой бьют, на огне жарят, на солнце вялят. Но кровь тут при чем? Напраслина все.

Олак и его семья

Солнце уже наполовину поднялось над краем леса, и Олак проснулся в своей постели из травы и листьев. Проснулся, но вставать не спешил. Сначала он хотел досмотреть сон: там было что-то страшно интересное. Но пока Олак поворачивался поудобнее, чтобы смотреть без помех, сон куда-то спрятался. Вот так всегда: сны прячутся еще лучше, чем скрытни.

Тогда Олак снова открыл глаза. Над ним, закрывая небо, покачивались, шелестели листьями ветви старой липы. И вся липа, в развилке которой, высоко над землей, спала семья скрытней, тоже слегка покачивалась и тихонько гудела: росла, воду из земли тянула. Если ухо к стволу приложить, сразу услышишь.

Олак лежал с одного бока, а возле другого было место отца. Но сейчас оно пустовало. Значит, отец уже встал. Он всегда встает первым. Или на рыбу идет охотиться, или грибы-ягоды собирать. Так что с краю теперь спала мама Нарита. А рядом с Олаком сопела и даже во сне строила гримасы сестра Минки. Она маленькая, что с нее взять. Раньше Олак тоже спал в середине, а с краю ложилась мама. Но теперь Олак вырос и может лежать с краю, как и полагается мужчине. К тому же он ловко лазает по деревьям – лучше, чем отец. Может быть, даже лучше всех в Народе. Ну, почти лучше всех. Почти так же, как Прак-путешественник.

Лучше всех в Народе – это, конечно, хвастовство. Ведь Народ большой, не сосчитать. Взрослые, правда, могут сосчитать, но на то они и взрослые. Но если по-другому взглянуть, то Народ вроде и не такой большой, потому что все друг дружку знают и всегда помогут. Вроде как в семье. Да, в общем, Народ – это и есть большая семья. Говорят, есть и другие народы скрытней, живущие в далеких краях, но точно о них не известно.

Так, ладно, хватит попусту валяться! Надо составить план. Это значит – придумать, что делать. Олак в школу еще не ходит, а про план уже знает. И еще многое знает, о чем другие малыши даже не догадываются. Это потому что он наблюдательный и любо… зреющий? Зрительный? Звательный? Нет, не запомнил – слово слишком длинное. Это Мудрый Орик говорил Трику – отцу Олака. Если внимательно слушать, что взрослые говорят, многое можно узнать. Так что еще до школы будешь кое-что понимать.

Олаку уже восемь лет, нынешней зимой в школу пойдет. Вот Тинк, лучший друг Олака, на год моложе, и это сразу заметно. Малыш, одним словом. Хотя смелый, не боится участвовать в играх, которые Олак придумывает. А еще он всегда готов обсуждать всякие загадки и тайны, что встречаются на каждом шагу. Поэтому Олак с ним и дружит. Вот с сестрой Минки ничего такого не обсудишь. Во-первых, мала еще, моложе Тинка. А главное – девчонка. Правда, песни с подружками хорошо поет, заслушаешься. Этим вся польза от девчонок и исчерпывается. Разве будешь с такими говорить о Тумане, или об Огне, или о Великанах? Даже думать смешно.

Нет, с такими вопросами: о чем говорит Река, да откуда берутся Великаны, и можно ли научиться летать по-настоящему, – лучше обращаться к дедушке Скрипу. Дедушка знает почти так же много, как и Мудрый Орик. А какие сказки рассказывает, какие истории! Слушать его рассказы – это даже интересней, чем в разведчиков играть. А значит, в школе будет очень интересно: ведь дедушка Скрип там преподает древнюю историю скрытней, и можно будет его слушать каждый день.

А еще учить детей будет знахарка Олига, женщина с золотыми волосами. Она лучше всех разбирается в травах, ягодах, корнях, в болезнях и лекарствах. Олига научит детей тому, что знает сама: как растения живут, что скрывают и как это узнать.

Ну, а самые главные науки – письмо, счет и Тайны Мира – будет вести сам Мудрый Орик. Он строгий, иногда даже сердитый. Те, кто учатся, – Шлимо, Свиба, толстый Финго – рассказывают, что Орик заставляет повторять, запоминать и доказывать. Что это значит, неизвестно, Шлимо и Финго не могут толком объяснить. Только, наверное, очень страшное, потому что они

всегда вздыхают и жалуются на Орика. Ну да ничего, Олак как-нибудь справится. Зато Орик покажет ученикам Священную Книгу. Книга – главное сокровище Лесного Народа. Кажется, есть и другие, но о них не говорят, особенно при детях, и Олак о них ничего не слышал. А хочется.

Ну да ладно, школа будет не скоро, а пока надо составить план на сегодня. Дел много, надо только выбрать. Можно, например, дразнить Носачей. Лесной народ Носачей не любит. Они не такие вредные, как Рыжухи или Волки, но жадные: ходят всю ночь по кустам, где скрытни спать любят, роют землю своими носами, желуди ищут, орехи, птичьи гнезда. Затоптать, конечно, не затопчут, – скрытень всегда Носача издали услышит и на дерево залезет – но сон-то пропадет! Вот поэтому Трик, отец Олака, и не любит спать на земле, как некоторые другие, а только на деревьях. Вот из-за того, что спать мешают, а еще за угрюмый и свирепый нрав, Носачей и не любят. Носачи днем залезают поглубже в чащу и лежат там, посапывают. Так можно залезть на сосну и шишки в них кидать. А те, кто поотчаяннее, садятся на нижнюю ветку елки и давай ее раскачивать. Ветка раскачается – и хлоп Носача по макушке! Он как вскочит спросонья, как бросится наутек, – только кусты трещат. Наверное, думает, что это Великан с Огненной Палкой за ним пришел. Конечно, если не удержишься да сам с ветки на Носача свалишься, он поймет, кто его побеспокоил. Тогда уж как повезет. Если ловкий – успеешь обратно залезть. А если нет – плохо будет. Поэтому детям эта забава строжайше запрещена.

А что, скажите, не запрещено? У взрослых все, что интересно, все запрещено. С Воронами играть, в Реке плавать, Огонь в лесу разжигать, перестрелку из луков устраивать, брать, что Великаны оставили… Да разве все перечислишь!

Так, из луков они с Тинком вчера стреляли. Носачей тоже не так давно дразнили. Значит… решено! План был составлен, и Олак быстро соскользнул с дерева.

Давай полетаем!

На земле Олак огляделся – все ли в порядке – и направился к зарослям бересклета. Там семья Тинка живет. Семья большая, кроме Тинка, еще две девчонки, папа с мамой, да еще дедушка Окик. Поди поищи такую развилку, чтобы всех уместить. К тому же дедушке трудно лазать по деревьям. Вот они и ночуют на земле. Трти, отец Тинка, устроил себе дом в густых кустах бересклета: тень, прохлада, и Носачи туда не ходят.

Осторожно пробираясь между кустами, Олак подкрался поближе. Ну вот, так и знал: все еще спят, а Тинк в самой середине, не подберешься. Но Олак недаром ловкий. А прутья на что? Нашел тонкий прут, протянул его и почесал друга за ухом. Тот заворочался, давай отгонять: кто это, дескать, ко мне пристал? Хвать – а нет никого. Тогда Тинк одеяло натянул на самую макушку, с головой укрылся: не приставай, глупая жужжалка, не лезь ко мне, пищун! Вы скрытней все равно не кусаете, кровь у нас невкусная; так не лезь зря, не мешай спать. А Олак снова прут протянул, одеяло подцепил – и стащил. Тут уж друг голову поднял, глаза с возмущением открыл: кто этот нахал, подать его сюда! Но увидел Олака и возмущаться перестал. Ловко выскользнул со своего места, никого не разбудил.

– Ты чего? – спросил, когда отошли подальше. – Чего будишь?

– Как чего? – ответил Олак. – Помнишь, мы полетать собирались? Ну, недавно, месяц еще молодой был?

– Ну, собирались.

– Вот тебе и ну! Тогда дождь помешал, а потом меня отец на грибы с собой взял на целый день, так и не полетали. Сегодня день самый подходящий, ветер над землей дует. И вообще, все знают, что с утра летать сподручней. Так что, идем?

– Конечно, пошли скорей! – Тинк, когда понял, в чем дело, сразу загорелся. Еще бы: полетать всякому хочется, но боязно, да и не все умеют. А Олак умеет, и Тинка, хоть и маленький, готов научить.

– Слушай, давай еще Стука позовем, – предложил Тинк. Правильно предложил: Стук тоже из их компании. Только он медлительный очень, вечно копается, и на самые отчаянные дела, где скорость требуется, его не всегда берут.

– Давай, – согласился Олак. – Если не спит. А то будишь вас тут, будишь, – все утро пройдет.

Но Стук уже проснулся, и когда услышал, куда зовут, сразу встал. Покопался, конечно, на то он и Стук, но самую малость.

Втроем они направились к высокой ели, росшей на краю ложбины. С ели чем хорошо прыгать? Лезть на нее легко, а если прыгнешь неудачно, она тебя спасет: на еловые ветки падать – совсем не то, что на землю.

Друзья быстро забрались на самый верх. По пути мало кто попался, только белка да пара малиновок. Белка покосилась, но ворчать – зачем, дескать, беспокоите, на мою елку лезете, – не стала. Да и занята была: шишки лущила и семена в дупло прятала. Она снаружи подавала, а изнутри маленькие лапки мелькали: бельчата семена принимали да по углам рассовывали.

Лесной Народ белок почитает: ведь именно от них скрытни научились летать. Так говорится в древней легенде о славном воине Обреге. Окруженный со всех сторон утырями и киками болотными, забрался Обрег на высокую ель, но утыри подожгли ее. Огонь поднимался все выше. И тогда старая мудрая белка подсказала Обрегу, что он может поступить так же, как ее племя: прыгнуть и перелететь на соседнее дерево. Воин так и поступил: окруженный белками, перелетел на другую ель, а враги ничего не заметили.

С тех пор скрытни летают. А получается это у них потому, что Лесной Народ – легкий, весу в нем немного. И если курточку пошире распахнуть, да ноги расставить – воздух тебя

удержит. Правда, летают только дети, взрослые, можно сказать, никогда. Говорят, они слишком тяжелые. Олак как-то пристал к отцу: почему Обрег летал, а ты не можешь? Отец ответил, что у древнего воина плащ такой был, широкий, как воронье крыло, вот он и летел. Олак дальше пристает: ну так сшей такой плащ, папа! Но отец отговорился, что не знает, как плащ шьется, да и времени нет.

Да, белки, можно сказать, друзья: скрытни с ними только иногда спорят из-за орехов, кто первый под орешником должен собирать. И то если год неурожайный и орехов мало. А вот если ворону встретишь, то тут как судьба повернется. Бывает, что и ничего, а бывает, что ворона злая, характер у нее испортился, тогда клюнуть может. А это тебе не с пенька упасть: покалечит, как пить дать. Или если сову спугнешь. Она днем не охотится, не схватит, – наоборот, сама испугается и прочь кинется. Но когда кинется, может тебя с самой верхотуры сбросить. Некоторые, кто постарше и поозорнее, нарочно сов пугают. Но Олак этим не занимается.

Наверх залезли, огляделись. Здорово здесь! На восходе солнце поднимается, купает лучи в Реке, к полудню плывет. Там, на полуденной стороне, все лес да лес: елки темнеют, березы с дубами спокойно стоят, осина листьями крутит, ветер накликает. Если присмотреться, можно различить Дальний Утес, куда спешит Река и куда не смог дойти Прак-путешественник. И что там, за Утесом, никто не знает. Сороки туда, правда, летали и рассказывали всякие чудеса, но кто же будет верить сорокам?

На закатной стороне виден край леса. Дальше перелески, луга. Выглядят красиво, и ягоды там, по слухам, просто море, но скрытни этих мест избегают: в этих краях часто появляются Великаны. Иногда и сюда, в родные места, забредают, но редко: мешают глубокие овраги, что от Горы тянутся. Вот она, Гора, загораживает небо на полуночной стороне. Там, за Горой, Великаны и живут. Раньше об этом только от ласточек да от синиц слышали, а недавно Прак поднялся на Гору и сам увидел. Правда, издалека, близко подходить не стал. Вернувшись, рассказал, что синицы не наврали: Великаны действительно живут вроде как в скалах, хотя не таких, как у Реки, ни на что не похоже, сравнить не с чем. И весь день ревут страшно, на разные голоса. Прак не признался, но Трик, отец Олака, думает, что он испугался. Да и кто не испугается? Однако собирается еще идти, поближе подобраться.

– Ну, вот отсюда и полетим, – заявил Олак, потверже встав на ветку у самого ствола. – Помните, как я прошлый раз объяснял?

Тинк промолчал, вместо него ответил Стук.

– Я вроде запомнил, – сказал он. – Сначала куртку расстегнуть и полы крепче захватить. Потом руки и ноги пошире расставить. Потом… А потом вроде и прыгать можно. Или нет?

– А потом, когда полетите, что надо делать? – продолжал допрашивать Олак.

– Управлять надо, – решился вступить в разговор Тинк. – Одну руку чуть поднять, другую опустить, и поворачивать.

– Верно, – подтвердил Олак. – Вокруг елки поворачивайте, далеко от нее не улетайте, а то врежетесь куда, больно будет. Приземляться лучше не на землю, а на нижние ветки, помните?

– Помним, – хором оба ответили.

Наставления были закончены, можно было прыгать. И, конечно, ему первому. Однако Олак медлил. Он еще раз оглядел свою команду. Стук выглядел ничего: хоть и увалень, а спокойный, раскачивается на своей ветке, вниз заглядывает – видно, примеривается. А вот друг Тинк прижался к стволу, как к мамке, обхватил его изо всех сил. Сразу видно – боится. Нельзя его одного оставлять, понял Олак. Или вообще прыгать испугается, и тогда решит про себя, что он трус. А хуже этого, может быть, ничего нет – так про себя решить. Или прыгнет, но не по науке, а абы как, закрыв глаза, криво и косо, и разобьется. Что же, вперед себя его пропустить? Тоже не годится. А что если…

– Знаешь что? – воскликнул Олак, обратившись к другу. – Давай прыгнем вместе, а? Один я уже прыгал, а вдвоем – нет. Попробовать хочется. Поможешь?

– Ну, не знаю… А так разве можно? – Тинк так удивился, что даже бояться забыл.

– А кто сказал, что нельзя? Давай, перебирайся ко мне.

Тинк перебрался, встал рядом.

– Так, куртку расстегнул? – командовал Олак. – Теперь захвати ее здесь и здесь, и растягивай шире. Ага, вот так. И держи крепко, это самое главное! Выпустишь полу – сразу падать начнешь.

– А как же мы держаться будем? – спросил Тинк. – Если ты тоже будешь свою куртку держать, откуда еще руки взять?

Да, об этом Олак не подумал. Ну да ладно, безвыходных положений не бывает.

– Я свою полу только чуть придерживать буду, – сказал. – А так буду правой рукой твою руку держать. Вот так, видишь? Ну, все. Сейчас дам команду, и тогда оба сразу толкаемся и летим. А ты, – обернулся он к Стуку, – после нас. Всё поняли?

– Угу, – ответили оба хором.

Ну, пора! Олак стиснул ладонь друга, оттолкнулся – и прыгнул! В тот же миг, без всякой задержки, то же сделал и Тинк.

Олак чувствовал, что он словно лежит на чем-то упругом, податливом; лежит – и в то же время скользит. Он словно плавал, но не так как в воде. Воздух нес его, бесплотного, невесомого, вокруг все медленно кружилось, ветер свистел в ушах, – он летел, летел! Олак взглянул на друга: глаза блестят, рот растянулся в улыбке – хорошо!

Тут Олак заметил, что они уже далеко отлетели от ели. Уже и лощина кончилась, пора поворачивать. Но как поворачивать вдвоем? Это же надо всем телом делать: один бок поднимать, другой опускать, а как это сделаешь, если рука занята? А еще трудно было одной рукой и друга держать, и курточку сжимать. Пальцы быстро уставали. Олак почувствовал, что долго так не продержится. Надо было расцепляться. Но не испугается ли Тинк?

– Я отцеплюсь, ладно? – спросил он. Но Тинк не расслышал, даже не посмотрел в его сторону: так увлечен был, да и ветер в ушах свистит. А пальцы у Олака уже совсем устали – мочи нет.

– Расцепляемся! – закричал он изо всей силы. Тут Тинк наконец услышал, головой закивал: ладно, мол, отцепляйся!

Олак отпустил ладонь друга и сразу поднял руку, чтобы повернуть в другую сторону, чем Тинк, с ним не столкнуться. Солнце блеснуло ему в глаза, Гора проплыла вдалеке, и он снова увидел лощину и высокую ель; он летел обратно. Но летел плохо, как-то боком: рука устала, и ему никак не удавалось растянуть правую полу, как нужно. Он чувствовал, что снижается слишком быстро. Интересно, а где Тинк, что с ним? Олак посмотрел вверх и увидел друга. Тот тоже повернул, молодец, тоже летел обратно к ели, но выше Олака. И расстояние между ними все увеличивалось. Олак спускался быстрее Тинка, намного быстрее. Тот парил наверху, огибая ель, еще выше мелькнул Стук, а Олак быстро приближался к земле. Так досадно стало! Из-за этого трусишки половину полета потерял! Зачем только его с собой взял! Лучше бы один пошел!

Но злиться было некогда: надо приземляться. Олак отлетел от ели подальше, а потом круто развернулся и направился прямо на нее. Мальчишки постарше умели перед приземлением как-то так изогнуться, словно вверх лететь собрались, и приземлялись прямо на ноги. Но у Олака никогда так не получалось. Вот и сейчас вместо того чтобы плавно сесть на еловую лапу, он в нее врезался, как камень. Бух! В грудь что-то больно ударило, в лицо впились иголки. Олак схватился за ветку, пытаясь удержаться, но не смог. Соскользнул, шлепнулся на следующую ветку, закачался на ней, стукаясь обо что-то ногами. Глянул – да это же земля! Сполз с ветки, плюхнулся на четвереньки. Скорее вскочил – вдруг кто увидит, вот смеяться будут! Отбежал от елки, задрал голову: где там друзья кружатся, как у них дела?

Но не успел Олак их высмотреть, как услышал, что за елкой, совсем рядом, кто-то ходит и кашляет. Выглянул – а это старый Окик, дедушка Тинка. А Тинк вот-вот должен приземлиться! И, конечно, он и не подумает прятаться: закричит на радостях – вот, мол, я прилетел, у меня получилось! Что тогда будет! Дедушка рассердится страшно – ведь летать малышам строжайше запрещено. Но еще хуже, что он огорчится. А вот этого допускать никак нельзя: дедушка уже старенький, огорчаться ему вредно. И вообще скрытни стараются друг друга не огорчать. А кто соплеменника расстроит, обиду причинит, у того самого кошки на душе скребут, и он спешит вину свою загладить. Это уж у Лесного Народа свойство такое. Гномы, когда еще рядом со скрытнями жили, сильно над этой их чертой потешались – еще сильнее, чем над их бедностью.

Надо было дедушку Окика как-то отвлечь, чтобы на небо ненароком не взглянул, и поскорее от елки увести. Но как? Олак подумал – и придумал.

Выскочил из-за ели, подбежал к дедушке.

– Доброе утро, дедушка Окик! – говорит. – Хорошо, что я вас встретил! Все утро ищу, кого спросить.

– Чего спросить? – с опаской спросил Окик. С опаской, потому что про Олака известно, что он выдумщик и вечно взрослых разными мудреными вопросами донимает, даже к самому Мудрому Орику пристает.

– Я вот уже до пяти считать научился, скоро еще научусь, а что такое число, не знаю. Объясните, что значит число?

– Число? – задумался Окик. – Это… ну… чтобы считать.

– Это понятно, – не отставал Олак. – А вот само оно что значит? А еще слова! Вот ель – почему она ель, а не оль или ень? И почему огонь горит? И куда Река течет? И откуда ветер прилетает? И почему в одних местах ягоды совсем нет, а в других – вон за теми березами – ее всегда в избытке?

Пока Олак свои вопросы задавал, старый Окик от него все пятился, пятился, а когда последний вопрос услышал, вовсе повернулся и направился к тем березам, о которых Олак говорил.

– Чего, отчего, зачем, – бурчал он на ходу. – Откуда я знаю! Орика спроси, он Мудрый. А насчет ягоды, это вот да… это проверить надо… Почему ветер дует! Надо же такое придумать!

Так и скрылся за березами. И только он скрылся, как из-за елки вылетел Тинк. Вылетел, развернулся – и плюх на ветку! И удержался, вот что интересно.

– Ты видел?! – закричал он Олаку. – Как я летел, видел? Здорово, да? Я кружился, кружился! Ух, здорово, клянусь Обрегом!

Тут и Стук приземлился, и тоже правильно, на ветку, и тоже «Смотри, как я летел!» кричит.

– Не орите! – напустился на них Олак. – Дедушка Окик неподалеку бродит, только что ушел.

Друзья послушались, присмирели, но все равно не могли не поделиться своим восторгом: он из них так и лез. Олак послушал их, поглядел на Тинка, как у него глаза горят, – и вся его досада куда-то ушла. Ничего страшного, в следующий раз подольше полетает, уже вместе с Тинком. Вместе-то всегда интересней! Ему даже не было жалко ягодную поляну за березами, которую он только вчера нашел. Ясно, что теперь дедушка Окик всю ягоду оттуда соберет. Так опять же эта ягода Тинку первому и достанется. А Олак еще ягодное место найдет. У него это хорошо получается – почти так же, как по деревьям лазить и трудные вопросы задавать.

Рыбная охота

Прошло еще немного времени (луна ровно на четверть убавилась, а ягода налилась и подросла), и настал для Олака счастливый день: отец сказал, что назавтра возьмет его с собой на рыбную охоту. Олак давно просился, очень ему хотелось вместе с отцом на охоту сходить, но отец все тянул, не брал. А теперь вдруг – завтра! Олак так обрадовался, что заснуть долго не мог, все представлял, как охотиться будет.

На рыбу охотиться – это вам не ягоды собирать. Ягода – дело, конечно, важное, без нее не проживешь; если ягода не уродилась, год считается плохим. Но собирать ее могут даже малыши, кто едва ходить научился. Грибы и орехи – уже посложнее. За орехами лазать надо, трясти, а грибы, во-первых, разные, без разбору не возьмешь, а во-вторых, тут твердость нужна. Он же канючить начнет, гриб: «Не рви меня, не режь меня, дай пожить, на солнышко поглядеть, водички попить!». Некоторые, кто пожалостливее, не выдерживают, оставляют. А какие не канючат, те и рвать уже нельзя – из них вся жизнь ушла. Поэтому на грибы и орехи берут тех, кто скоро в школу пойдет. Правда, Олака еще прошлым летом начали брать, но это потому, что он «не по годам развитый». Так сам Мудрый Орик сказал, а мама потом Олаку передала.

А на рыбную охоту берут только тех, кто уже учится. Потому что это дело не только трудное, но и опасное. Рыба – это не гриб, просить не будет. Как шибанет хвостом – сразу в воде очутишься. А ловят-то не на мелководье, где купаются, – там рыбы нет – а на самой Реке, почти на стремнине. Сбросит тебя рыба, и если ты к лодке не привязан, и если товарищ не успел тебе руку или багор подать, – унесет Река. Повезет – прибьет к берегу до Утеса, и тогда, может быть, и вернешься. Это если тебя Носач не затопчет, Рыжуха не сцапает, Сова в сумерках не поймает. Там, возле Дальнего Утеса, все это запросто может случиться: места там дикие, нехоженые, скрытней никто не знает. По доброй воле к Утесу никто не ходит. Один только Прак-путешественник ходил.

А если унесет рыбака еще дальше, за Утес, – значит, все, пропал. Из-за Утеса еще никто не возвращался. Вот в самом начале лета унесло Ринка, отца Финго, так его и нет с тех пор. Финго, конечно, ждет отца, и Лана, его мама, тоже ждет, но всем уже понятно – не вернется Ринк.

А бывает еще страшнее: если рыба попадется совсем большая, то может схватить и утащить на дно. Правда, такую рыбу ловить не следует, обычай запрещает, но, во-первых, не всегда разберешь, какая она, рыба: очень большая или так себе; а во-вторых, есть смельчаки, которым хочется обычаем пренебречь и с великан-рыбой сразиться. Ведь если такую удается поймать, еды на весь Народ хватит. Из-за этого у взрослых много споров: какую рыбу можно ловить, а какую не стоит, кто настоящий храбрец, а кто зря жизнью рискует.

В общем, рыбная охота – дело интересное и ответственное. Поэтому в то утро Олак твердо решил проснуться пораньше. Известно же: рыбу выслеживают на самой заре, пока туман не растаял. Он так себе и приказал: «Проснуться раньше отца! Ясно?». Это такой способ, чтобы что-то важное не проспать. Олаку про него дедушка Скрип рассказал, а потом Финго подтвердил, что он так делал, и помогало. Олак раньше не пробовал, случая не было, а теперь решил попробовать.

Но как назло, вечером долго заснуть не мог. Наверное, поэтому способ не сработал. Проснулся Олак оттого, что папа Трик его тихонько толкал. Олаку обидно стало, что проспал, но зато он сразу понял, что надо делать, быстро обулся и слез с дерева. Лес стоял серый, как мышиная шкурка, и небо было серое, только на восходе алело. В соседних кустах возились ежи, а где-то далеко, на краю оврага, слышно было, как ходили и рыли землю Носачи: видно, на богатое место напали, никак уйти не могли.

Отец залез под упавшую сосну – снасти достать. Он их там от Носачей прятал. Носачям багры и сети, конечно, не нужны, просто по глупости потоптать могут. Олак кинулся помогать. Вынули. Отец взял тяжелый багор и сачки, Олаку другой багор дал, полегче. И вместе, молча, направились к Реке.

Идти недалеко: вдоль ручья, из которого Народ воду берет, потом через него и по тропочке вниз, вниз. Как бурелом пройдешь (третьего года ветер осерчал, лес ломал, а в этом месте особо натешился), будет орешник, а за ним большая ива на обрыве. Выйдешь из-за нее – и вот она, Река. Струится слева, из-за Горы, и уходит направо, к Дальнему Утесу. Струится, течет, и на ходу бормочет сотнями голосов, повторяя все, что слышала на своем пути. Вот бы разобрать, что Река говорит: сколько интересного можно узнать! Но никому еще не удавалось.

Сейчас, правда, голоса Реки совсем не слышны: туман. Каждую ночь, ближе к рассвету, он окутывает Реку, чтобы меньше мерзла, укрывает теплым одеялом и воду, и траву речную, и берег до самой ивы. Вот и Олак с отцом, как спустились с обрыва, окунулись во влажную пелену, и сразу лес за спиной пропал, и полоса красная на восходе погасла. Из-за тумана вода в Реке утром теплая, и рыба поднимается из глубины поесть и поиграть. Вот тут и стерегут ее скрытни.

Трик бросил сачки на песок и пошел по берегу вбок. Олаку ничего не сказал, да он и так знает: лодка там спрятана. Не от своих, конечно, свои не возьмут. Выдра может поозорничать, или Пильщик-бобер ненароком задеть (Пильщики никогда не озоруют, худого не делают), и тогда уплывет лодка, поминай как звали. А что отец все молчит, так на рыбной охоте вообще говорят мало: рыба, она чуткая, если услышит охотника, спрячется, потом не выманишь ее.

Трик взял лодку за нос, Олак за корму, и отнесли к воде, спустили. Положили сачки, багры, колотушку, чтобы рыбу глушить. Пора самим залезать. Олак уже ногу занес – садиться. Тут отец в первый раз рот открыл.

– Ноги посередке не ставь, – предупредил шепотом. – Только в корму или в нос. И не бухай, ступай осторожно.

Понятно, почему предупреждает: лодка ведь хрупкая, из коры сделана, прутьями скреплена, дырки смолой законопачены. Потому рыбаки обязательно возят с собой ковшик – воду вычерпывать. Если рыбак нерадивый, за лодкой не следит, то, бывает, вычерпать не удается: тонет лодка. Хватается тогда незадачливый охотник за багор, или за кусок коры – что-то от лодки всегда отломать можно – и пускается к берегу вплавь. Но с отцом такое, понятное дело, не случится: он о лодке заботится, иногда целые дни возле нее проводит.

– Садись в корму, – скомандовал отец, – бери весло. Нет, не так – вот, гляди, как я взял. Левую руку держишь выше, правую ниже, и гребешь. Глубоко весло не опускай, греби потихоньку. И не плещи, а то рыбу распугаешь. А главное – на борт не ложись. Смотри, не забывай! Ляжешь на борт – опрокинемся.

Распорядился, лодку от берега тихонько оттолкнул и сам сел. Сел на нос, стал в воду глядеть.

Олак взял весло, как отец показывал, сделал гребок. Бултых! Плеснул водой чуть не до берега, лодка дернулась, будто укушенная. Отец обернулся, но ничего не сказал. Да Олак и так все понял. Не надо ему сейчас ничего говорить, не мешайте: сам разберусь.

Погрузил весло второй раз – осторожно, будто воду погладил. Ни плеска, ни булька: хорошо! Хорошо, да не очень: лодка-то на месте осталась, ни на палец с места не сдвинулась.

Стиснул Олак зубы – что за незадача, что отец подумает! – гребанул третий раз. Плеснуло, но чуть-чуть, лодка дернулась – и поплыла. Ура, получилось!

Однако радоваться было некогда: надо корягу обогнуть, что из воды торчит, на стремнину выплыть, а потом в заводь свернуть, где, как известно, на рыбу и охотятся. Иные храбрецы, правда, и на стремнине охотятся. Трик там, бывало, тоже ловил. Но сейчас, с сыном, что в

первый раз весло взял, зачем туда соваться? Он и показал Олаку: на корягу, мол, правь, вон туда.

Олак понял, перевернул весло, как отец учил, гребанул: опять неудача. Укрепил руки получше, опустил весло еще раз: получилось. Вот так и греб – со второго раза на третий. Обогнул корягу, вышел на середину Реки. Как она схватила лодку, как понесла!

– Правей, правей бери! – командовал отец. – Вон туда!

Олак греб изо всех сил. Наконец Река отпустила, и они вошли в заводь. В ней вода тоже на месте не стоит, кругами ходит, но не так, как на середине.

– Камень возьми, возле тебя лежит, и в воду опусти. Да не бросай, опускай тихонько.

Взял Олак камень, и сразу понял, почему малышей на охоту не берут: камень тяжеленный, еле поднимешь. К нему веревка привязана, длинная-предлинная. Олак камень опустил, он бултых – и скрылся. И веревка за ним. Натянулась, лодку на месте держит.

Тогда отец развязал мешок, что на поясе нес, и половину его высыпал в оду. А в мешке – червяки земляные, мухи дохлые, жучки-паучки. А еще грибов кусочки, да ягоды. Высыпал Трик все это добро и манит Олака к себе:

– Садись теперь поближе, – говорит негромко, – бери сачок. Вот этот бери, средний. Если я Рыбу зацеплю – подводи сачок и лови ее, как бабочек и мух ловят. Только сачок крепко держи: рыба биться будет. А что потом делать, я скажу.

Сам Трик взял багор и стал глядеть в воду. Олак тоже в воду уставился. Вот сейчас выплывет рыба – и он ее поймает!

– Не напрягайся так, – шепнул отец. – Ждать, может, долго придется, устанешь. Ты расслабься, словно дремлешь, но не засыпай. С непривычки сложно, но потом привыкнешь.

Попробовал Олак сделать, как отец сказал. Выдохнул, сел посвободнее – словно на солнышке отдохнуть решил. Но глаза держал раскрытыми и на воду все так же глядел.

И все застыли: отец на носу, Олак в середине лодки, лодка в заводи, туман над водой. Одна вода движется: течет, круги закручивает. И вроде в ней тени мелькают. Вот одна поближе подплыла. Да это же рыба! Но тень тут же скрылась, и опять ничего. А время идет. Вот уже и туман редеть стал, кусты на берегу проступили. И возникла у Олака страшная мысль, что в это утро, когда отец впервые взял его на охоту, удачи не будет, пустыми вернутся. Ведь такое бывает, и часто бывает, Олак знает. Вот обидно-то как!

Но тут случилось сразу много событий. Возле носа лодки что-то плеснуло, и тут же отец размахнулся и вонзил багор в воду. И так быстро, что Олак едва успел глазами моргнуть, а отец уже не сидит, а лежит на носу, тащит из воды багор, а на конце багра изгибается, бьет хвостом по воде, раскачивает лодку огромная рыбина. Олак застыл от страха и недоумения: как же такое чудовище можно поймать? Она же вдвое, если не втрое, больше отца!

– Подсекай! Подсекай сачком! – кричит ему отец.

Вышел Олак из оцепенения, схватил сачок – и к отцу. Но все равно не верит – как ее можно в сачок подцепить. Подвел сачок к рыбе – а она шлеп хвостом, и отбросила. Олак снова закинул, она снова вырвалась. Тут его злость взяла: ах ты противная рыбина, перед отцом меня позоришь! Схватил он сачок двумя руками, подвел – и надел его сразу на всю рыбину! Сачок-то длинный, и она вся внутри оказалась.

Надел – а что дальше делать, не знает. Попробовал тащить – куда там: тяжесть неподъемная. Но тут отец на помощь пришел.

– Давай меняться, – приказал. – Ты держи багор, мне давай сачок. Багром тоже тяни, мне помогай.

Поменялись. Отец перехватил сачок ближе к сетке, чтобы не сломался, напрягся.

– Тяни! – скомандовал.

Олак тоже уперся, потянул багор на себя. Блеснуло в воздухе, и здоровенная рыбина плюхнулась на дно лодки. Всю ее заняла, так что для Олака с отцом еле место осталось. Тут же

выгнулась, и как долбанет хвостом! Олака подбросило, он выпустил из рук багор и уцепился за борт: вдруг сейчас выбросит! А рыба еще изогнулась: сейчас еще раз так жахнет, сетку порвет и освободится. Но тут отец схватил колотушку и огрел рыбину по голове. И еще раз. Она дернулась еще немного, но уже слабее, потом выгнулась – и застыла.

Отец посидел немного, отдышался, потом вытащил из воды камень и погреб к берегу. Причалили, вытащили рыбу, отец взвалил ее себе на плечи, а Олаку доверил нести багор и сачки. Так, с добычей, и вернулись домой. А Олак дорогой вот о чем думал: как же отец раньше-то ловил, один, если это и вдвоем так тяжело?

Дождливый день

Этот день в прятки играл: с утра притворился чистым, ясным – выходи, мол, народ, занимайся своими делами, а на небо можешь не глядеть. Подумаешь, пара тучек плавает, да по краю дымка стелится, мешает солнце разглядеть – что с того? Разве такие пустяки напугают Лесной Народ?

Напугать, конечно, не напугают, но и перехитрить скрытней нелегко. Они погоду за три дня чуют. А тут и чуять ничего не надо, и так ясно: дождь будет. Может, с обеда, а может, и раньше. Поэтому с утра на поляне суета началась – все спешили дела переделать. Кто рыбачить отправился: говорят, перед дождем охота хорошо идет. Кто торопился окрестности обежать, осмотреть: не поднялись ли грибы, не подросла ли еще ягода. Хотя откуда она подрастет: всю ягоду, что поблизости была, уже собрали, мало ее нынче уродилось. Ну, а кто не любит в спешке дела делать, тот просто одежду разбросанную, да ягоду, что на лопухах сушилась, да рыбу, что на веревках, собирал и в надежные места укладывал. А кто и просто позавтракать на травке уселся: под деревом или в дупле огонь не разведешь, да и приятно на солнышке, на ветерке посидеть, на мир поглядеть. Хоть и видят его каждый день, а все не нагляделись.

Семья Олака не исключение: как увидели, куда дело идет, отец начал собирать рыбу, а мать ягоду. И Олака с Минки к этому делу пристроили. Как собрали все, в дупло уложили, корой прикрыли. Потом отец огонь развел, ягодный настой сварил, а мать тем временем лепешки приготовила. Но только сели, только Олак первую лепешку ко рту поднес – набежала неведомо откуда тучка-невеличка, закрыла солнце. И сразу – шлеп по лбу капля! Бац вторая в огонь! Стук-стук-стук по рукам, да по лепешкам в руках, да по плечам, да по спине!

Скрытни сильно-то дождя не боятся, привычные, но и сидеть под ним просто так, без дела, никто не будет. Тем более завтракать. Потому все похватали свои кружки и лепешки – и скорее в дупло. Не в то, где припасы сложены – то маленькое, тесное, только чтобы добро уместить. Дупло от дождя другое – шире, просторнее, вчетвером усесться можно, даже улечься. Таким оно не сразу стало, не от природы. Вначале, когда его синицы бросили, тут тоже тесно было. Но мать стала жаловаться: что за дом, ни сесть толком, ни ноги вытянуть. Тогда отец стал долбить березовый ствол, и вверх долбил, и вширь, и стало просторно. Отец гордится их домом. И Олак тоже гордится. Не у всех такое сухое и просторное дупло есть. А некоторые, которые ленивые или очень уж невезучие, и просто под корягами укрываются.

Конечно, дупло – не настоящий дом, а временное пристанище. Вот как сейчас, от дождя укрыться, или если ветер чересчур сильный. Другой временный дом – развилка на липе, где ночь проводят. А настоящий дом – под землей, в Горе. Там спрятаны главные сокровища Лесного Народа, туда к зиме сносят припасы, одежду, инструменты, хворост и всякие нужные вещи, вроде тающих камней. Там скрытни проводят долгие зимние месяцы. Вроде бы ничто не мешает и дождь там пережидать. Но тут действует старое правило: от зимы до зимы подземелье должно стоять пустым, нечего его попусту беспокоить. Летом там только ветер гуляет, сушит отсыревшие за зиму коридоры.

Едва уселись в дупле, кружки расставили, лепешки разложили, как вдали первый раз громыхнуло. Все ясно – буря идет. Тут и тучи наползли, улеглись на Гору, заткнули в небе все щели, чтобы никакого просвета не осталось. А гром все ближе, все громче. Олак как раз последнюю лепешку в рот положил, когда снаружи сверкнуло, и прямо над головой как бабахнет! Лопнули в небе последние запоры и скрепы, вырвался дождь на волю, загудел, забарабанил – вот я какой! Вот как могу! А среди гула гром – трах-тарарах! А искра небесная – сверк-блеск!

В общем, непогода на весь день. Аж в дупло стали капли залетать, пришлось вход прикрыть. И что, скажите, теперь делать? Родителям хорошо: они всегда занятие найдут. Мать после завтрака скатерть свернула, кружки наружу выставила – пусть их поливает – и села

вязать. А отец снял куртку, достал из ворота иголку и принялся дырки зашивать. А кончит куртку – за рубашку примется. Одежда у скрытней прочная, но ношеная, починки всегда требует. Сестра Минки тоже занятие нашла: куклу учить, как ягоды собирать. Тут мама песню старинную завела, а Минки подхватила. Поют они хорошо, только грустно очень. Олак послушал-послушал, и двинулся к выходу. Прихватил кусок коры, чтобы прикрыться, и вылез из дупла. Мама вдогонку прокричала, чтобы сильно не мочился, сушить негде будет. А отец ничего не сказал.

Снаружи было шумно. Ни листьев не слышно, ни птиц, ни травы – один дождь гудит. Олак повернул направо и побежал к большой ели, что на полуночной стороне. Но как ни спешил, как корой ни прикрывался, все равно штаны и куртка промокли – трава-то словно из Реки вынутая, только тронь. Зато когда добежал, еловые лапы раздвинул, понял, что мок не зря. Под елью, возле ствола, была благодать: сухо, тепло и дух еловый стоит. А главное, Олак тут не первый: и Тинк здесь, и Стук. А еще Прити. Она, правда, девчонка, и девчонка вредная: вечно со всеми спорит и перебивает, везде хочет первой быть. Однако ее охотно берут в компанию, потому что она дочь Прака-путешественника и знает много. А вперед везде лезет, потому что в семье вроде как старшая. Весь Лесной Народ знает, что Тилли, маму Прити и маленького Крука, в прошлом году убила молния. Она собирала ягоду для малыша, когда вдруг налетела гроза. И Тилли укрылась под одинокой елью; а ведь даже дети знают, что под одинокими деревьями в грозу лучше не оставаться. Ель, под которой погибла Тилли, и сейчас стоит за первым оврагом, обгорелая, вся черная; Народ обходит ее стороной.

А Прити и до этого была большоя спорщица, а теперь, если есть кому за Круком присмотреть, тут же присоединяется к компании и затевает споры. Вот и сейчас с Тинком схватилась. Видно, давно спорят.

– Да ты Носача хоть раз близко видела? – наседает Тинк. – Не видела, не видела! А не видела, не говори! А я видел! Он вон насколько твоего Волка больше!

Тинк вскочил и на елку полез – показать, на сколько. Тут и Олака заметил.

– Вот, – обратился он за помощью к другу, – скажи ей. Я говорю, что Носач сильнее. А она заладила: Волк, Волк…

– Волк, может, и меньше, но у него зубы знаешь какие? – Прити не отступала, свое гнула. – Вот такие!

Тут она подняла юбку и показала ногу от башмака до колена – вот какие, значит, у Волка зубы.

– А ты откуда знаешь? – спросил Олак, чтобы поддержать друга.

– Папа говорил! Он, когда к Дальнему Утесу ходил, мертвого Волка видел. Подошел, все рассмотрел. Зубы вот такие!

Раз сам Прак говорил – это серьезно. С этим никто спорить не будет. Но Тинк не сдавался.

– А у Носача клыки есть! Вот такие! – он расставил руки в стороны, чтобы показать. – Он ими ветки раскалывает! Он твоему Волку как даст своим клыком – тот вообще на сосну улетит!

– А тот как укусит – твой Носач завизжит и без памяти убежит!

– А ты попробуй, укуси! Носач тебя и близко не подпустит!

Прити на миг замолчала: видно, придумывала, что бы такое еще сказать, чтобы добить Тинка. А уж Прити-то придумает, будьте уверены. А Тинк тогда может всерьез разозлиться и начнет шишками кидаться, и весь разговор кончится. А Олак только пришел, ему охота посидеть с друзьями, поговорить. Так что он решил вмешаться.

– Да что вы спорите? – сказал. – Оба они сильные. Потому и не дерутся. Я, например, никогда не видел, чтобы Волк на Носача полез. И никто не видел. А уж кто всех сильнее, так это Медведь.

Прити не нашла, что возразить, промолчала. Снаружи, за еловым пологом, все так же гудел дождь. Одна капля все же просочилась сквозь ветки и упала Стуку за воротник. Стук поежился, все засмеялись.

– Да, Медведь самый страшный, – сказала Прити. – Даже Мудрый Орик говорит, что его надо бояться. И хорошо, что он ушел из наших мест. А то бы он еще кого-нибудь убил, кроме Лунго.

– А когда это было? – спросил Тинк.

– Давно: две зимы назад, или три, не знаю, – ответил Олак.

– Дедушка видел, как Медведь его убил, – вступил в разговор молчаливый Стук. – Лунго от него под корягой спрятался, так Медведь его достал. И ведь даже есть не стал, только убил и изодрал всего.

– Это потому, что он злой, злее всех, – убежденно сказал Тинк. Ему, видимо, хотелось еще поспорить и в чем-нибудь переспорить Прити. Та тоже была не прочь схватиться и, не задумываясь, заявила:

– И вовсе не Медведь самый злой. Мама говорила, что они в детстве в него шишки кидали, а тот ничего. А ты попробуй, в Носача шишку кинь! Сам знаешь, что будет. Значит, Носач злее.

Тинк приготовился возразить, но его опередили. Откуда-то слева, из-за ствола, раздался новый голос:

– Злой, еще злее… Не ваше дело спорить о злости! Что вы о ней знаете?

Все повернулись в сторону говорившего и увидели пожилого ежа. Олак его сразу узнал. Еж жил неподалеку, звали его Пши-Пшу. Как видно, Пши сидел под елкой давно, с начала дождя, поэтому скрытни его и не заметили.

– А почему мы не знаем? – возмутилась Прити. – Папа говорит…

– Не надо рассуждать о том, чего не знаешь, – проворчал еж. – Лесной Народ ничего не может знать о злости, потому что злиться не умеет. Я вот не понимаю, чего хорошего сидеть на солнце и пялиться на небо – я и не буду толковать о тучках и листиках. А вы не представляете, как сильно можно на кого-то злиться. Я вот иногда бываю ужасно злой. И на змей злюсь, и на Рыжух, и на Волка. Но это еще понятно – они враги. Но ведь я злюсь и на мышей и птенцов, которых ем, и на Сохатых, и на Пильщиков, к которым у меня никакого дела нет. Зачем злюсь? Почему злюсь? Загадка. И не вам ее разгадать. Вы ведь даже убивать не умеете. Лишенный крыльев не должен рассуждать о полете, лишенному обоняния не стоит спорить об ароматах.

Пши-пшу говорил очень весомо. Сразу было видно, что он дело знает и мышь в нем съел. Однако Прити было трудно смутить. Тряхнув головой, она сказала:

– Странно слышать, что Лесной Народ чего-то не умеет, что умеют колючие и зубастые. «Скрытни не умеют злиться»! «Скрытни не умеют убивать»! А кто в таком случае вел затяжные войны с ободнями, утырями и ягайлами? Кто храбро сражался, отстаивая подземные лабиринты? Может быть, это были ежи?

Олак решил поддержать Прити и сказал:

– И почему мы не можем говорить о полете? Вот мы с Тинком и Стуком на днях летали. Все знают, что скрытни умеют летать.

– Да, я что-то слышал о каких-то войнах, – отвечал еж, подняв колючки, так они почти скрыли его мордочку. – Но если они и были, то давным-давно, в незапамятные времена. И никто точно не знает, кто с кем воевал.

– Вот как? Никто не знает? – Прити так рассердилась, что вскочила на ноги, тряхнув ветку. С ветки пролился целый водопад, но Прити не обратила на это внимания. – А кто в таком случае хранит Священную Книгу? – подбоченясь, спросила она. – Книгу, в которой записано все, что случилось с самого начала?

Пши-Пшу не нашел, что ответить. Вместо этого он окончательно свернулся в клубок и сделал вид, что спит. Прити торжествующе оглядела всех свидетелей ее победы и, кажется, приготовилась сказать что-то подобающее случаю, но Тинк помешал ее торжеству. Он спросил:

– А что такое войны?

– Войны – это когда дерутся, – ответила Прити.

– Как дерутся?

– Ну, как Сохатые весной – видел? – принялась объяснять Прити. – Или Носачи. Или как мы делаем кучу-малу, но только война – это до крови, всерьез. И там убивают.

– Но Носачи друг дружку никогда не убивают, – возразил Тинк. – Ну ладно, а как это – затяжные? Они что, тянули эти войны, что ли? И когда были незапамятные времена?

– Затяжные – значит длинные, – сказала Прити. – Это такое ученое слово. А незапамятные времена были очень-очень давно. Ну как тебе объяснить? Тогда еще никого не было: ни Мудрого Орика, ни даже дедушки Скрипа.

– А кто же тогда был? – не отставал Тинк.

– Были древние скрытни, – принялась рассказывать Прити, знавшая больше других. – Они жили в других местах, далеко отсюда. А по соседству жили гномы. Они были очень умелые, но жадные и противные. Но еще хуже были ягайлы, ободродни и эти… как их… да, утыри. Они хотели отнять у народа Священную Книгу и другие сокровища. Но народ храбро сражался и не дал. А потом, когда враги стали уж очень сильно наседать, народ ушел оттуда и двинулся в долгий путь. И в конце концов пришел сюда, к Горе.

– А какие были эти другие сокровища? – спросил Олак. – Я слышал, что они есть, но взрослые никогда не говорят, что это.

– Этого я не знаю, – с сожалением призналась Прити. Это было поразительно: наконец нашлось что-то, чего даже Прити не знала.

– Я немного слышал об этом, – неожиданно произнес Стук. Все удивились и повернулись к нему.

– Бабушка, когда умирала, говорила папе и маме: «Ну, дети, теперь вам вращать нашу Мельницу. Берегите ее! Не дайте ей остановиться!» Значит, есть еще Мельница. Только какая она и что делает, я не знаю.

– Даже я больше знаю о ваших тайнах, чем вы сами, – послышался знакомый ворчливый голос. Оказывается, Пши-Пшу вовсе не спал и все слышал.

– Что ты можешь знать о наших тайнах? – высокомерно спросила Прити.

– Я знаю, что где-то в подземелье, где ваш народ проводит зиму, стоит волшебная Мельница, – проворчал еж. – Мне об этом рассказывала одна старая змея. Еще она говорила, что все лесные обитатели должны заботиться о том, чтобы Мельница крутилась. А почему так – она не знала. Зато она знала, что когда-то у вашего народа было еще Зеркало. Но что это было за Зеркало и куда оно потом подевалось, этого не знает никто.

– А что это – зеркало? – спросил Тинк.

– Это такие кусочки, ну, вроде льда, только не тают, – объяснила Прити. – В них посмотришь – и себя видишь. Как в воде, только яснее. Их находят на Дальних Полянах, Великаны их выбрасывают, а может, теряют. У тети Олиги такое есть, и у жены кузнеца Сминка. И у мамы было, теперь мне осталось.

– Но, конечно, Зеркало, что было у вашего народа, было не такое, – добавил еж. – Иначе бы его не берегли, а потом не искали.

– А разве его ищут? – удивился Олак.

– Да, ищут. И ваш вождь Орик, и твой отец, – кивнул еж в сторону Прити, – и другие. Оно им зачем-то нужно.

Все замолчали. Надо ли было еще что-то говорить? Здесь, прямо под елкой, обитала Большая Тайна.

– Да, здорово было бы найти такое сокровище, – Тинк, как самый маленький, первым решился высказать заветную мысль. – Залезть в какое-нибудь забытое дупло и достать Зеркало!

– Эх, ты! Зеркало из дупла он достанет! – рассмеялась Прити. – Раз уж мой папа и Мудрый Орик не нашли, как же ты найдешь?

– А вдруг повезет? – не сдавался Тинк. – Лес ведь большой!

– Да, лес большой, – поддержал малыша умный еж. – И в нем еще много тайн.

Тут все обратили внимание, что снаружи, за еловым пологом, что-то изменилось. Шума дождя уже не было слышно, зато они расслышали, как где-то пробует голос синица. Олак отодвинул ветку и выглянул. Оказалось, что дождь кончился. На траве лежали солнечные пятна, и трава в этих местах словно дымилась. За Рекой на небе переливалась нежными красками огромная дуга.

– Дождь кончился! – закричал Олак и выскочил наружу. А за ним и все остальные. Было так весело прыгать по лужам, поднимая целые фонтаны брызг!

На Дальних Полянах

На другое утро все на небо глядели – будет опять дождь или нет. Потому что приметы разное говорили. Но небо было чистое, умытое, и ветерок полуденный. Все, не будет дождя! Народ потянулся из укрытий назад на поляну – сушиться. Натянули между пеньками веревки, развесили куртки, рубашки, одеяла, – все имущество. Только кружки с ложками не повесили, а так все здесь.

А Мудрый Орик все ходил да к чему-то приглядывался. То липовые почки потрогает, то траву погладит. Потом подозвал Прака-путешественника и что-то ему сказал, и Прак исчез. Вернулся уже к вечеру, и тогда Орик устроил совет. Пригласил Олигу-знахарку, дедушку Скрипа и Трти, отца Тинка. Долго они совещались, спорили о чем-то. Потом Орик созвал народ и сделал Важное Объявление.

– Завтра липа зацветет, а настоящей ягоды в наших краях все нет, – сказал Орик. – Значит, уже не будет. Кое-где встречаются ягодные места, детям хватает, но на зиму запасти нечего. Поэтому завтра с утра женщины, а с ними дети постарше отправятся на Дальние Поляны за ягодой. Готовьте корзины, все, какие есть. Прак ходил, смотрел. Говорит, на Полянах ягоды много.

– А вдруг Великаны нагрянут? – спросила Лана, мама Финго. – Ведь Поляны-то – великанские.

– Вы не одни там будете, – успокоил ее Орик. – Уважаемый Прак пойдет, дедушка Скрип, Трти, Шлимо-старший, ну, и я. Мы будем стоять в дозоре. Если заметим Великанов, поднимем тревогу. Вы же знаете, они неповоротливые, скрыться всегда успеем. Главное – успеть ягоды побольше набрать, чтобы корзины пустые обратно не нести.

– Ну, уж за это не беспокойся, – заявила Лана. – Была бы ягода, а мы ее всегда соберем. Верно, дети?

– Верно! – закричали все хором. Закричали, запрыгали, а кое-кто даже колесом прошелся. Завтра! На Дальние Поляны! Это же настоящее приключение! Лесной Народ редко туда забредает: место, что ни говори, опасное, Великаны там частенько бывают. И в Поющих Домах, и просто так.

Олак на Дальних Полянах уже дважды был: в первый раз Олига водила женщин сладкоцвет собирать, и мама взяла Олака с собой; в другой раз дедушка Скрип, когда навещал пчел, меда у них просил, разрешил малышам с собой пойти. На Полянах бывал, а Великанов видеть не довелось.

Вот отец видел Великанов много раз. Но отец не очень любит рассказывать. Сказал только, что Великаны не очень опасны. Конечно, наступить могут, если зазеваешься, – ну так не зевай. Или когда они костер разведут, а потом оставят, большая беда может случиться. А так – так они не опасны. Ночью совсем не ходят, только днем, когда их видно. Не то что Носачи.

На следующее утро отправились. Впереди Прак с Ориком – дорогу показывают, смотрят, нет ли чего опасного. За ними женщины с корзинками – разговаривают, события обсуждают. Вокруг детвора носится, в игры играет. А позади Скрип, Трти и Шлимо-старший следят, чтобы кто не отстал.

Отстать, потеряться здесь – пара пустяков. По дороге к Дальним Полянам надо пересечь три больших оврага и пяток поменьше. Уже за первым оврагом начинаются незнакомые места, а за вторым и вовсе все чужое: и трава тут другая, и березы не по-нашему шелестят, и ели какие-то угрюмые. И знакомых никого нет: ни белок, ни мышей, ни длинноухих. Разве что сорока встретится, с которой поговорить можно.

В больших оврагах страшно: дна у них не видно и кажется, что здесь земля обрывается и ты упадешь куда-то, откуда не выбраться. Зато в оврагах здорово играть в «укатился клубочек».

Это надо свернуться, голову между колен засунуть – и катиться. Кто дальше докатится, тот и выиграл, его остальные должны вверх подбрасывать, пока ему не надоест и они не устанут. На родной поляне сильно не покатаешься, ровно там. Разве что возле Реки, но там следить надо: раскатишься – враз в воде окажешься, сушись потом. А тут крутизна – ого-го! Страшно, конечно, в пропасть катиться, на такое дело храбрость нужна: ничего ж не видишь, а вдруг провалишься в самую глубину, откуда хода нет? Поэтому в клубочек играют самые отчаянные храбрецы, а девчонки и те, кто решиться не может, играют в «спрячься от Великана» или «мышь и Рыжуха».

Олак кататься не боится. У первого же спуска он, Тинк, Ореф, Крак и Шлимо-младший свернулись – и вперед. Только Олаку не повезло: куст на дороге попался, задержал. Вот обидно! Даже Тинк, хоть и маленький, и тот дальше добрался. А дальше всех укатился Шлимо. Пришлось его кидать, а он здоровый, Шлимо, тяжелый! А ведь еще, когда подкидываешь, кричать надо: «Вот наш клубочек! Катись, клубочек, по золотой дорожке до алмазной горы!».

Ну да ладно, овраг большой. На второй раз Олак хорошенько прицелился, чтобы нигде не застрять, да еще разбежался, прежде чем свернуться – и покатился. Уж он катился, катился – аж голова закружилась! Пару раз стукнулся больно о камни, но руки не разжал. Наконец стал катиться тише – и вовсе остановился. Развернулся, открыл глаза – а он уже на дне! Рядом ручей журчит, хорошо Олак в воду не попал. Встал, огляделся. Ох, и страшно здесь! Склоны сдвинулись, все небо загородили; солнца не видно, и кажется даже, что дышать нечем. Не хотелось бы в таком месте одному оказаться.

Но Олак недолго один был – сбежали вниз остальные. И все видели, как Олака подбрасывали вверх и желали ему добраться до алмазной горы. И пусть неизвестно, что это такое, и никто объяснить не может – все равно звучит здорово.

И во втором овраге катались. А в третьем уже нет: здесь, в последнем овраге, Великаны часто ходят. Это сразу видно: по склонам, в самых удобных местах, протоптаны широченные такие дороги, совсем без травы; никто, ни одно существо таких не оставляет. А еще Великанские Предметы попадаются. Это уж вовсе диво дивное. Олак-то уже видел, а малышам в диковинку. Как попался первый Предмет, они сразу встали как вкопанные, обступили его: рты от удивления раскрыли, глаза круглые. Оно и понятно: среди всего привычного, зеленого, живого, лежит такая штука – ни в песне спеть, ни в легенде описать. Вроде как ветка толстая, со скрытня толщиной, какие Пильщики на Реке делают. Но если так сказать, то кто не видел, тот ничего не поймет. Потому что, во-первых, ни одна ветка не бывает такой ровной, гладкой; во-вторых, – и это самое удивительное – Предмета, можно сказать, и нет, потому что видно сквозь него, как зимой сквозь тонкую льдинку, только еще лучше. И при этом с одного бока на нем яркими красками чего-то нарисовано. А еще легкий он: тронешь – покатится. Одно слово – диво дивное, Великанский Предмет.

И этот Предмет еще не самый удивительный. Бывают вроде похожие Прозрачные Ветки, но тяжелее, а когда на нее солнце упадет, блестит она, лучами сверкает – засмотришься. А еще встречаются вроде куски ткани, но легкие, шуршащие. Это все Олак сам видел. А взрослые рассказывали о вовсе чудесных Предметах, в какие даже трудно поверить.

Лесной Народ великанские Предметы не берет. Разве что некоторые, от которых польза сразу видна. Зеркала, например. А еще у Сминка в кузнице нож великанский есть: самые твердые сучья, самые крепкие канаты разрезать может. А так, без разбору брать нельзя: еще неизвестно, что получится.

И по дорогам великанским скрытни не ходят. Как начались эти дороги, Прак с Ориком сразу свернули в кусты и велели остальным ждать, пока они вперед не уйдут. Понятное дело: тут уже настоящая разведка началась. Песни и крики стихли, по кустам пробирались осторожно.

Но тишина стояла только до первой поляны. Как вышли на нее, всю усеянную ягодой – весь испуг прошел. Дети сразу кинулись есть. Ягода оказалась сладкая-сладкая! Взрослые не стали торопить: пусть наедятся. Да и много ли съешь? Две, от силы три – больше не захочешь.

Некоторые женщины на первой поляне остались, других Орик повел дальше. За первой поляной открылась вторая, и ягоды на ней – видимо-невидимо. Тут Лана с Олигой собирать начали. А последние вместе с Праком и Ориком перебрались через густые кусты и вышли на третью поляну. Вышли – и ахнули. Мало того что ягоды много, так она еще и здоровенная!

– Это какая-то великанская ягода! – вырвалось у Олака. Первый раз он такую видел!

– А чего удивительного? – тут же отозвалась вредная Прити. – Поляны дальние, великанские, вот и ягода великанская.

Это она здорово сказала, даже обидно, что сам не додумался. Олак с досады стряхнул на языкатую девчонку росу с большого лопуха – пусть мокрая ходит – и пошел за мамой.

Все разошлись вдоль края поляны, чтобы друг дружке не мешать – и вперед. Ягода здесь была не только огромная, но и пахла замечательно – слаще и сильнее, чем та, что росла на родных пригорках. Собирать ее было одно удовольствие, Олак и не заметил, как они наполнили первую корзину. Оттащили ее к опушке, взяли другую. Спустя какое-то время и ее пришлось назад нести. Тут Олак заметил, что от опушки они уже порядком удалились. А еще понял, что начал уставать.

Однако и третью корзину набрали, взяли четвертую. Тут Олак стал думать, а как же они все это богатство назад до дома донесут, если на каждого придется по две корзины, а он и одну поднять не может. Но ничего не придумал.

С четвертой корзиной вышла незадача: миновав середину поляны, они снова уткнулись в деревья, уже на другой стороне. Всю ягоду собрали! А корзина наполовину пустая. Неужели так возвращаться? Мама, видно, так и решила. Присела в тени, к дереву прислонилась, говорит:

– Все, сейчас обратно пойдем. Только давай посидим немного, устала. Да и ты, сынок, наверно, устал – вон как мне помогал! Ляг, полежи. Жаль, пить нечего, роса вся высохла. Ну да ничего, до оврагов дойдем, там напьемся.

Олак и правда устал, только не лежалось ему. Это же Дальние Поляны, когда еще сюда попадешь! А еще маму жалко: видно, что пить ей очень хочется. И еще азарт его разобрал: захотелось побольше ягоды набрать, чтобы с пустой корзиной не возвращаться. В общем, шагнул Олак за деревья и увидел, что растут они не густо, а за ними еще поляна, и ягода на ней есть. Впереди поляна ровная, а слева откос, – похоже на овражек. А в овражке – Олак повел носом, принюхался, – вода есть. Тогда он составил план.

«Значит, так, – размышлял он. – Сначала в овраг, воды набрать. Можно взять мамин платок, намочить хорошенько: он много воды вберет. Да еще в горсти принести. Потом за ягодой. А во что собирать? Да в курточку! Сниму ее, застегну, воротник завяжу – вот и мешок. Раза три схожу – корзину и наполню».

Так и сделал. Взял тихонько мамин платок (мама задремала, сон сморил) и припустил к овражку. Угадал – там и правда ручей оказался. Да не простой, Олак таких еще не видел: из крутого склона торчал вроде как обрубок, но внутри полый, и из него вода тонкой струйкой стекала. Олак поковырял обрубок: что за дерево? Может, дуб? Нет, не похоже. И на орешник не похоже, и на клен – ни на что. «Так это, наверно, Великаны соорудили», – сообразил Олак, и стало ему страшновато. Ну да бояться некогда, маме вода нужна. Намочил платок, набрал полную горсть – и назад. Обратно идти труднее: попробуй-ка с полной горстью воды по склону подняться да через кусты лезть – узнаешь.

Однако донес. Мама еще спала, но только Олак подошел, глаза открыла – услышала.

– На, мама, пей! – и подставил ладошки. И платок мокрый с плеча скинул. И объяснил, что ручей нашел. А про ягоду ничего говорить не стал: удивить хотелось. Мама совсем

проснется – а корзина-то полная! Как, откуда? Тут он все и расскажет. А если сейчас сказать – может заругаться и не отпустить.

Как Олак задумал, так все и вышло: мама напилась и опять задремала. А он скинул курточку, завязал – и вперед.

Ягода на большой поляне росла редко, бегать за ней надо было. Тут Олак пригляделся и увидел вот что: посреди поляны рос большущий дуб, а вокруг – кусты бересклета. И вот возле этих кустов ягоды было больше. Направился он туда. И верно: ягода здесь росла гуще, и курточка стала быстро наполняться.

Олак уже почти закончил, последнюю ягоду добирал, когда услышал странный шум: вроде как деревья в лесу падали одно за другим, или камни в реку покатились. Но нет, не так, этот шум был ни на что не похож. Сказано же – странный. И он приближался, быстро приближался! Олак на всякий случай в кустах спрятался. И вовремя: заревело, заурчало совсем рядом, и на поляну, с дальнего ее края, выскочило такое… Нет, Олаку это совсем не с чем было это сравнить! Оно было огромное, как гора, белое, как молоко, блестящее, как река в полдень, оно летело, как рассерженный Носач! И оно пело! Да, теперь Олак понял: то, что он принял за шум, был не шум вовсе, а песня. Только дикая какая-то и очень громкая. И тут у него в голове всплыло когда-то услышанное от взрослых слово: Поющий Дом. Да, вот что это было: Поющий Дом Великанов! Его во всем Народе всего двое или трое видели.

Между тем Поющий Дом приблизился к тому месту, где Олак в овраг за водой спускался, и остановился. А потом взял – и раскрылся! И оттуда вышли Великаны. Олак сжался за кустами, глядел во все глаза: вот оно, настоящее приключение! Наконец он увидел Великанов! Что его сразу поразило – что они оказались разные: одни ростом с дерево, а другие намного меньше, с Носача или косулю. Большие стояли или ходили медленно, а маленькие начали бегать, прыгать – аж земля задрожала. А еще удивило, что Великаны говорили как-то тихо: Олак думал, что они будут реветь, как Медведь или как Река на перекате, а их было еле слышно, Дикая Песня все заглушала. Как они вообще друг дружку понимают?

Пока Олак на все это глядел и удивлялся, из леса вынырнул второй Поющий Дом, уже красного цвета, и остановился возле первого. Из него тоже полезли Великаны, и их стало ужасно много. Только что поляна казалась большой, просторной, а теперь оказалась вся заполнена. Вот что значит Великаны, сколько же им места надо!

Наверно, и Великаны почувствовали, что им тесно, потому что вдруг пошли в разные стороны. Один направился прямо к дубу, под которым сидел Олак.

Вообще-то скрытню спрятаться не проблема: прилепился к стволу, курточку запахнул, руки поджал – и стал как кусок коры, не отличишь. Да только нет на Олаке курточки – ягодой занята. Пришлось лепиться к корням, в траву зарыться. И курточку в траву поглубже засунул.

А Великан подошел совсем близко, а за ним другой, маленький. Олак, хотя и спрятался, но все равно глядел: интересно же! Когда Великаны подошли, он понял, почему они разные: тот, маленький, был просто ребенок, вроде Олака. И пальцы у него были другие, чем у большого, и он был не толстый. А тот, настоящий Великан, был толстый, он ужасно топал и пыхтел. И он держал в руке какую-то палку с белым наростом на конце. Пока Олак гадал, зачем ему эта палка, Великан размахнулся – белый нарост блеснул на солнце – и ударил ей по ветке. Ветка была засыхающая, но еще живая, и Олак расслышал, как она вскрикнула. Но Великан ударил еще и еще, и ветка надломилась и упала. А Великан отломал еще несколько веток, поднял все это и понес. И маленький Великан тоже схватил несколько прутиков размером с Олака и пошел за большим. Тогда Олак перевел дух и снова стал глядеть. А поглядеть было на что.

Возле перелеска, откуда Олак пришел, Великаны разожгли огонь. Получилось это у них удивительно быстро: только что не было никакого огня – и вот нате, горит. В него стали кидать ветки и даже целые деревья, и скоро огонь стал прямо до неба. Тут Олак забеспокоился: успела ли мама проснуться и уйти. А то великанский огонь того и гляди деревья зажжет.

А еще Великаны стали доставать из своих Поющих Домов разные странные яркие Предметы и класть их в кучу. А другие достали какую-то круглую штуку и стали ее кидать высоко в воздух. «Это же игра! – догадался Олак. – Они играют!» Никто до сих пор не говорил, что Великаны умеют играть. Вот будет новость, когда он вернется и обо всем расскажет!

И тут Олак впервые подумал о том, как будет возвращаться. До сих пор некогда было этим заняться – так быстро все случилось. А теперь задумался, и вышло, что дела у него плохи: выбраться с поляны никак не получалось. Возле перелеска, где осталась мама, горел огонь. Левее, где Олак только что ягоду собирал, Великаны в мяч играли. Возле оврага, где ручей, сидели женщины-великанши и что-то делали. (Олак вначале не различал, где у Великанов женщины, где мужчины, а потом различил: женщины были с волосами и голыми ногами). А еще правее стояли страшные Поющие Дома и гремели, ревели жутко. Окружили Великаны Олака почти со всех сторон, нигде не пройти! А где осталась свободная полоска, там, как нарочно, трава низкая. Да и если удастся там прокрасться, выведет эта свободная полоска совсем в другую сторону, далеко от своих. А места Олаку совсем незнакомые, как обратно к маме вернуться, неизвестно.

Едва Олак это понял, как ему тут же страшно захотелось назад, к своим. До сих пор было интересно: сиди и смотри. Вон сколько всего небывалого, чудесного! А теперь вдруг расхотелось. Зачем узнавать чудесное, если о нем нельзя никому рассказать? Все удовольствие сразу теряется. А как расскажешь, как выберешься, если Великаны рядом ходят? Вот сломают они все кусты, вытопчут всю траву вокруг дуба, и останется Олак со своей ягодой на голом месте – что тогда делать? От таких мыслей ему совсем плохо стало. А тут еще Поющие Дома ревут не переставая – иногда ничего, а иногда ужасно противно.

Однако Великаны не стали ломать его убежище. Они вдруг бросили играть в мяч и все собрались возле женщин и расставленных на земле Предметов. Тут Олаку снова стало интересно, потому что Великаны стали есть. Честное слово, они ели, совсем как Лесной Народ! Только у них все было чудовищных размеров. Они раскрывали огромные рты, куда мог бы целиком поместиться Олак вместе с курточкой, показывали страшные зубы, и клали туда какую-то незнакомую, странно выглядевшую еду, и что-то пили из кружек.

Тут один маленький Великан что-то не так сделал. И на него большие стали ругаться. Малыш послушал-послушал, потом повернулся, ушел от стола и направился к дубу, возле которого прятался Олак. Подошел, сел на корточки. И тут Олак увидел еще одно удивительное зрелище: маленький Великан плакал! И это они тоже умеют! Малыш ревел, слезы текли – с кулак!

Известно, что никакой скрытень не может вынести, если рядом кто-то мучается – ему самому плохо становится. Уж кто только над этим свойством Лесного Народа не потешался: и вороны, и белки, и рыжухи – ну, все. А еще раньше, в древние времена, рассказывают, гномы очень смеялись. Но тут ничего сделать нельзя: такой уж у скрытней характер. Вот и теперь Олак, как услышал плач великанского малыша, увидел слезы размером с кулак, так стало ему самому плохо, и он стал думать, как малышу помочь. И, представьте, придумал! Достал из курточки одну ягоду покрупнее и катнул ее по земле к малышу. Ловко получилось: прямо тому к ногам.

Малыш, как увидел ягоду, неведомо откуда взявшуюся, плакать перестал, стал оглядываться: откуда она? Поглядел вверх: не растут ли, дескать, эти красные штуки на дубе? Нет, не видать. Влево – вправо глянул. Ничего не разглядев, взял ягоду, – и в рот положил. Прямо целиком! Сразу видно – понравилось, еще хочется. Он опять вверх стал глядеть. А Олак взял – и катнул вторую! Уже просто так, из озорства. Поглядеть хотелось, как малыш будет головой вертеть. Но тот вертеть головой не стал, а начал вглядываться в то место, где Олак сидел. А потом как вскочит, как что-то своим закричит! Олак, конечно, великанский язык не понимал, но догадался, что малыш своих зовет, объясняет, что тут кто-то есть, в траве прячется. Его, правда, никто не услышал, так настырный малыш побежал к ним, стал взрослых теребить и

что-то говорить. И на дуб рукой показывает. И уже один взрослый Великан, – наверно, отец малыша – начал вставать.

Олак понял, что пришла настоящая беда. Сейчас искать будут. А спрятаться по-настоящему и негде! Что делать-то?

И тут прямо за его спиной раздался знакомый голос:

– Олак! Эй!

Обернулся – а в траве позади него сидит Прак – путешественник! И говорит так сердито:

– Ты что, оглох? Кричу ему, кричу – ничего не слышит! Пошли скорей!

– Прак, ты?! – закричал Олак, от радости забыв о всякой осторожности. – Как ты сюда попал?

– Сейчас увидишь, как, – еще сердитее сказал Прак. – Пошли, говорю тебе, скорее, пока Великан далеко.

Ну, Олака уговаривать не пришлось. Схватил свою курточку с ягодой – и за Праком. Оказалось, что в нескольких шагах в траве начинается канавка. Оба скрытня нырнули в нее – и вперед, прочь от дуба. Правда, уводила канавка совсем в ненужную сторону – к овражку с водой, возле которого стояли Поющие Дома, – но Олак об этом не задумывался и совсем не боялся. Ведь теперь он был не один! Даже когда пришлось между двумя Поющими Домами пробираться и над головой рев стоял – и тогда Олак не испугался.

Ну, а потом и вовсе легче пошло: спустились в овражек, вдоль воды побежали вниз, вниз, дальше от страшной поляны. Шли, шли – и пришли к своим. Уж как мама Олака обнимала, как радовалась! И совсем не ругала, ни капельки!

Летняя сказка

Закат догорел, как костер, – только угли остались. А когда и они погасли и небо остыло, стали загораться звезды. Первым на рассветной стороне запылал Алмаз. За ним на юге засияла Верна – самая яркая из всех. И как только она загорелась, филин крикнул «Ууу! Ууу! Я полетел! Прячьтесь, кто сможет!» Тут вся мелкая живность, что шуршала и щебетала, устраиваясь на ночь, разом смолкла; лишь летучие мыши скользили серыми тенями меж деревьев: они филина не боялись.

Олак и Тинк примостились на поваленном дубе на краю обрыва. Не успели сесть, как появились Стук, Ореф, Крак, вредная Прити, а с ней Свиба и Минки. Чуть позже Шлимо и толстый Финго подошли. Значит, тоже узнали, что сегодня дедушка Скрип будет сказки рассказывать.

Сидели, ждали. Минки начала гримасы строить, а Олак с Тинком, чтобы на нее не смотреть, стали куски коры отколупывать и кидать, кто до обрыва докинет. Олак точно два раза докинул, а Тинк заявил, что он тоже раз добросил, просто в темноте плохо заметно. Олак уже собирался заспорить, но тут появился дедушка. Тихо подошел и сел на свое любимое место возле сучка, чтобы было на что опереться.

– Что, все собрались? – спросил.

– Вроде все… Все! – ответило несколько голосов.

– О чем же вам сегодня рассказать? – задумался дедушка.

– О гномах и их сокровищах! – выпалил Тинк.

– О гномах в прошлый раз было! – возразил Олак. – Нет, лучше о битвах с утырями и ободняями! И о подвигах Обрега!

– Почему обязательно о битвах? – вмешалась Прити. – Мальчишки только о сражениях и хотят слушать. Лучше расскажи, дедушка, сказку о красавице Сио. Мне мама ее начала рассказывать, да не успела. А папа не знает…

Дедушка кивнул головой:

– Конечно, я доскажу сказку, которую начала рассказывать тебе мама. Надеюсь, и остальным будет интересно. Слушайте.

Сказка о красавице Сио и зеркале гномов

Это случилось в те далекие времена, когда Лесной Народ жил вдали отсюда, в высоких горах на берегу моря, по соседству с гномами. Скрытни многое перенимали у соседей. Как и гномы, они много времени, больше, чем сейчас, проводили под землей, добывая текучие, горючие и блестящие камни. Из них делали остроги и ножи, а из блестящих камней получались красивые украшения, которые носили женщины. Однако никому из Лесного Народа не удавалось сделать замечательные отражающие дощечки, называемые зеркалами, которые умели делать гномы. А женщинам очень хотелось посмотреть в те зеркала, чтобы полюбоваться своей красотой. Однако гномы не отдавали зеркала и не соглашались обменять их ни на ягоду, ни на рыбу, ни на травы – ни на что, что могли предложить скрытни.

Особенно мечтала иметь зеркало красавица Сио. И она имела на это право! Она была красивее всех в Лесном Народе – словно звезда, упавшая с неба. Недаром родители дали ей такое имя: ведь на нашем языке оно означает звезда.

Полюбил Сио удачливый рыбак и смелый воин Кнор. Никто среди Лесного Народа не сомневался, что они поженятся, и все заранее радовались, что будет такая красивая пара.

Слух о красоте Сио дошел и до гномов. Юный гном из знатной семьи был поражен ее красотой и предложил красавице выйти за него замуж. Сио рассмеялась и сказала:

– Твои слова меня удивляют. Никогда до сих пор гномы не брали в жены девушек нашего народа.

– Ну и что? – ответил гном. – Значит, мы будем первыми. Разве тебе, первой в красоте, не хочется быть первой и во всем остальном?

Эти слова понравились Сио, однако она сказала:

– Но тогда мне придется почти все время проводить глубоко под землей, как делаете вы, гномы. А я привыкла к солнечному свету – он так хорошо освещает мое лицо. А ветерок ласкает меня, и птицы поют в мою честь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.